

ЭФФЕКТ

A hand is shown from the wrist up, palm facing forward. The skin is pale and has a network of dark, vein-like lines drawn on it, particularly on the palm and fingers. In the center of the palm, a single, clear, teardrop-shaped drop of liquid is suspended, glowing with a bright white light. The background is a blurred, dark cityscape at dusk or dawn, with some lights visible in the distance.

НАБЛЮДАТЕЛЯ

АЙВЕНТ НОРТ

Айвен Норт

Эффект наблюдателя

«Автор»

2026

Норт А.

Эффект наблюдателя / А. Норт — «Автор», 2026

Всего три минуты клинической смерти разделили жизнь Алексея на «до» и «после». Очнувшись в больнице, он считал, что ему повезло. Но странности начались сразу: часы в его квартире замирают, стоит только отвести взгляд, отражение в зеркале живет своей жизнью, а случайная мысль едва не убивает коллегу. Мир вокруг Алексея превращается в зыбкую декорацию, готовую рухнуть от одного неосторожного взгляда. Он понимает: после смерти он принес с собой нечто, что делает его Истинным Наблюдателем. Его внимание теперь меняет реальность, но у этого дара есть страшная цена: за каждое спасение приходится платить собственным здоровьем, за каждую попытку помочь — разрушать себя. Когда город начинает покрываться «слепыми зонами» — участками, где время сошло с ума, а люди превратились в манекенов, Алексей понимает: он должен научиться контролировать свой дар, иначе реальность исчезнет навсегда. Но как остаться человеком, когда твой взгляд создает миры?

© Норт А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ТРИ МИНУТЫ ТИШИНЫ	5
ГЛАВА 1. ОСТАНОВИВШИЕСЯ ЧАСЫ	13
ГЛАВА 2. ВАГОН ТИШИНЫ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Айвен Норт

Эффект наблюдателя

ПРОЛОГ. ТРИ МИНУТЫ ТИШИНЫ

Стекло не разбивается сразу.

Это первое, что успевает отметить мозг Алексея в тот миллисекундный промежуток между ударом и полным отключением сознания. Лобовое стекло автомобиля, которое по всем законам физики должно было взорваться миллионом осколков, вдруг прогибается внутрь, как гигантская линза, как поверхность пруда, в который бросили камень. Оно тянется, деформируется, принимает форму чего-то невозможного – и только потом, когда инерция уже почти исчерпана, когда тело по инерции продолжает движение навстречу этому стеклянному мареву, раздается звук.

Но звук приходит позже.

Сначала – тишина.

Абсолютная, вакуумная, космическая тишина, которая не имеет ничего общего с тем, что мы привыкли называть тишиной в обычной жизни. Та, бытовая тишина – это всего лишь отсутствие громких звуков, но в ней всегда есть шорох собственного дыхания, гул крови в ушах, далекий шум города за окном, скрип половиц. Настоящая тишина – это когда исчезаешь ты сам.

Исчезает дыхание.

Исчезает сердцебиение.

Исчезает мысль.

Алексей не сразу понимает, что умер. Вернее, он не понимает этого вообще – в том смысле, в каком понимание требует времени, сопоставления фактов, анализа. Здесь нет времени. Здесь нет фактов. Есть только ощущение полета, которое длится уже целую вечность, хотя началось только что.

Он парит.

Где-то высоко, хотя понятия верха и низа тоже потеряли смысл. Он парит в абсолютной черноте, которая не пугает, потому что пугаться некому – страх требует тела – учащенного пульса, холодного пота, химии, которой больше нет. Чернота вокруг него – не отсутствие света, а отсутствие всего. Она плотная, бархатистая, почти осязаемая. Она обволакивает, но не давит.

Интересно, это и есть смерть?

Мысль приходит откуда-то извне, словно кто-то другой ее подумал за него. Алексей пытается ухватиться за эту мысль, сделать ее своей, но она ускользает, растворяется в черноте, как круги на воде.

Он пытается вспомнить, что было до.

Была дорога. Точно. Дорога, мокрый асфальт после дождя, фонари, отражающиеся в лужах длинными оранжевыми полосами. Он возвращался откуда-то. Откуда? С работы? Поздно, очень поздно. Город уже спал, только редкие машины проносились мимо, оставляя за собой шипение мокрых шин. Он слушал музыку – что-то спокойное, инструментальное, кажется, саксофон. Он любил саксофон. Или не любил? Теперь уже не важно.

Было что-то еще. Свет фар. Встречных фар, которые вдруг выросли перед ним, ослепили, заставили зажмуриться. Скрип тормозов – чужой скрип, не его. Его нога уже вдавила педаль в пол, но поздно, слишком поздно, инерция – жестокая любовница, она не прощает промедлений.

Удар.

Или не удар? Алексей пытается найти в памяти момент столкновения, но там провал, черная дыра, которая выплюнула его сюда, в эту бесконечную тишину.

Значит, он все-таки умер.

Странно, но эта мысль не вызывает ни паники, ни сожаления. Только легкое удивление, как от неожиданной новости о старом знакомом. Умер. Ну что ж, бывает. В конце концов, он никогда не верил в рай и ад, в трубы и весы, в суд и воздаяние. Он был архитектором, человеком точных линий и выверенных пропорций, для него мир делился на несущие конструкции и декоративные элементы, на нагрузку и сопротивление материалов. Смерть была просто сменой агрегатного состояния, переходом материи в иную форму.

Но если он здесь, если он все еще мыслит – пусть даже так смутно, так отстраненно – значит, материя не главное.

Значит, есть что-то еще.

Чернота вокруг начинает меняться. Она не светлеет, нет, она становится другой – более глубокой, более объемной. В ней появляется движение – едва уловимое, как дрожание воздуха над горячим асфальтом. Алексей всматривается в эту глубину (есть ли у него теперь глаза?) и вдруг понимает: он не один.

Присутствие возникает не сразу. Сначала – как предчувствие, как ощущение взгляда в затылок, когда оборачиваешься и никого не видишь, но знаешь – кто-то был. Потом – как легкое давление, как если бы кто-то вошел в комнату, где ты сидишь с закрытыми глазами. И наконец – как абсолютная, непреложная данность.

На него смотрят.

Это не взгляд в обычном понимании. Нет глаз, нет лица, нет источника. Это сама чернота смотрит на него, вся целиком, каждой своей частицей. Это внимание вселенной, сфокусированное в одной точке. Это осознание того, что ты – объект наблюдения.

И в этом взгляде нет ничего человеческого.

Ни любопытства, ни враждебности, ни равнодушия. Только чистое, беспримесное внимание. Как у ученого, рассматривающего под микроскопом инфузорию. Как у фотографа, ловящего в объектив редкий кадр. Как у Бога – если бы Бог существовал и если бы ему не было скучно.

Алексей хочет отшатнуться, но ему нечем отшатываться. Он хочет закричать, но у него нет рта. Он хочет закрыться, спрятаться, исчезнуть – но он уже исчез, дальше некуда.

Взгляд проникает в него.

Не в тело – тела нет. В то, что было Алексеем, в ту структуру, которая еще секунду (вечность) назад была его личностью. Взгляд читает его, сканирует, раскладывает на составляющие. Все воспоминания, все страхи, все надежды, все мелочи, из которых состоит человек, – они становятся прозрачными, видимыми насквозь.

Он чувствует, как его границы растворяются. Как то, что он считал собой, начинает расползаться, терять очертания, смешиваться с чернотой. Еще немного – и не останется ничего. Ни Алексея, ни мыслей, ни памяти. Только чистое бытие, бескачественное, безличное.

Соппротивление возникает спонтанно, как рефлекс. Откуда-то из самой глубины, из тех слоев, что старше личности, старше человечности, старше самой жизни, поднимается волна – нет, даже не протеста, просто воли. Воли быть. Воли оставаться собой. Воли не растворяться.

Алексей концентрируется. Он не знает, как это делается, но он сжимает себя в точку, собирает разбегающиеся частицы своего "я", удерживает их силой, о которой не подозревал.

Взгляд становится внимательнее. В нем появляется что-то новое. Удивление? Интерес? Алексей не может интерпретировать, но давление усиливается. Чернота словно наваливается на него, пытается раздавить, расплющить, впитать.

Он держится.

Секунда. Две. Три. Время возвращается, вползает обратно в реальность тонкой струйкой, и Алексей чувствует, как эта струйка превращается в поток, в реку, в водопад, который подхватывает его, крутит, несет куда-то вверх, в сторону, сквозь —

Хлопок.

Воздух врывается в легкие, как ледяная вода. Боль пронзает каждую клетку, каждая кость кричит, каждая мышца разрывается. Он открывает глаза — и видит небо. Серое, утреннее, низкое небо над городом, и капли дождя падают прямо в зрачки, заставляя моргать.

Он лежит на асфальте. Рядом — искореженный металл его машины, перевернутая грузовая «Газель», чьи-то ноги в форме, крики, сирены. Все слишком громко, слишком ярко, слишком больно.

— Есть пульс! Слабый, но есть! — кричит кто-то над ухом.

— Давно был?

— Минуты три, не больше.

— Три минуты без сердца? Тащи его в машину, быстро!

Чьи-то руки переворачивают его, зажимают шею, кладут на что-то жесткое. Алексей хочет сказать, что слышит их, что он в сознании, но губы не слушаются, язык не ворочается. Он только смотрит в серое небо, пока его не заталкивают в белую кабину скорой, пока не захлопываются дверцы, пока не взывает сирена.

Последнее, что он видит перед тем, как провалиться в спасительную темноту, — лицо женщины-врача, склонившейся над ним. Странное выражение на этом лице: не страх, не тревога, не профессиональная сосредоточенность. А что-то другое. То, что он уже видел сегодня.

Внимание.

Она смотрит на него так, словно он — редкий экспонат. Словно она не врач, а коллекционер. Словно за ее спиной стоит кто-то еще, кто смотрит вместе с ней.

Но за ее спиной только белый пластик салона скорой.

Свет в салоне стал пульсировать, теряя яркость, превращая фигуру женщины в размытый силуэт на фоне больничного нимба. Алексей моргнул, и белизна окончательно затянула кадр.

После была реанимация. Потом были трубки, капельницы, писки аппаратов, белые стены, белые халаты, белый свет. Алексей плавал в этом белом мареве несколько дней, выныривая лишь на короткие мгновения — чтобы глотнуть воздуха, услышать обрывки фраз и снова уйти в глубину.

Он помнил черноту. Помнил взгляд. Помнил свое отчаянное сопротивление. Но с каждым днем, с каждой капельницей эти воспоминания тускнели, покрывались налетом обыденности, превращаясь в «просто сон», «просто галлюцинацию», «просто последствия клинической смерти». Врачи говорили, что это нормально. Мозг защищается. Мозг стирает травматический опыт.

— Вам повезло, Алексей, — сказал заведующий отделением на пятый день, разглядывая снимки и кардиограммы. — Мужчина вы здоровый, сердце крепкое. Три минуты без кислорода — это серьезно, но у вас ни одного очага повреждения. Чудо, честное слово. Таких пациентов у меня еще не было.

— Чудо, — повторил Алексей. Голос звучал хрипло, непривычно.

— Ну, не будем вдаваться в метафизику, — заводителением усмехнулся, поправил очки. — Медицина объясняет не всё, но мы стараемся. Еще пару дней понаблюдаем — и домой. Отдохните, сил наберитесь. И за руль пока ни ногой. Нервное истощение, стресс, все дела.

— Авария? — Алексей попытался вспомнить детали, но картинка рассыпалась. — Тот водитель...

— Жив ваш водитель, — перебил врач. — Переломы, сотрясение, но жить будет. Вы, кстати, пострадали сильнее всех. Машина — всямятку. Как вы вообще выбрались? Спасатели удивились:

вас зажало так, что полчаса разрезали, а у вас даже переломов нет. Ушибы, ссадины и... ну, вот это. – Он постучал пальцем по кардиограмме.

Алексей кивнул. Сил на разговоры не было.

Врач ушел. В палате стало тихо. Только мерное попискивание аппарата, измеряющего давление, и далекие шаги в коридоре. Алексей закрыл глаза и попытался вернуться в ту черноту. Хотя бы краем сознания, хотя бы на миг. Но чернота не приходила. Была только усталость, тупая, тяжелая, как свинцовое одеяло.

Он заснул.

И во сне к нему никто не приходил. Не смотрел. Не давил. Впервые за много дней сон был пустым и спокойным.

Проснулся он оттого, что в палату заглянуло утро – серое, неяркое, но живое. За окном возились дворники, сгребая последнюю листву, и этот привычный, буднично-звук показался Алексею дороже любой музыки. Дни потянулись размеренно, как больничный режим. Капельницы, процедуры, разговоры с доктором (вполголоса, о давлении, о снах, о том, что на работе дали отпуск), жидкая больничная еда, от которой поначалу слегка мутило, но потом аппетит понемногу вернулся. И солнце за окном – с каждым днем все ярче, хотя календарь упрямо твердил, что на дворе глубокая осень.

Через неделю, когда его выписывали, день выдался солнечным, почти весенним. Солнце слепило, отражалось в почерневших лужах, заставляло жмуриться и отворачиваться. Алексей стоял у входа в больницу с небольшим пакетом в руке – там лежали его старые вещи, которые теперь болтались на нем, велики размера на два. Он похудел за эту неделю, осунулся, под глазами залегли тени. Но, подставив лицо неожиданному ноябрьскому теплу, он почувствовал, как тени эти начинают потихоньку таять.

Рядом прикуривал мужчина в кожаной куртке. Выдохнул дым, посмотрел на Алексея, кивнул:

– Выписали?

– Ага.

– С легким паром, – мужчина усмехнулся собственной шутке и пошел к старенькой "девятке", припаркованной у обочины.

Алексей проводил его взглядом. Обычный мужик, обычная машина, обычный день. А он стоит тут и не знает, куда идти. Вернее, знает – домой. Но идти не хочется. В больнице было безопасно. В больнице были стены, режим, предсказуемость. Дома... дома его ждала пустота.

Жены не было уже два года. Разбежались тихо, без скандалов, просто поняли, что чужие люди. Друзья остались, но скорее номинальные – пара звонков в месяц, редкие встречи в баре. Работа – вот что заполняло жизнь. Проекты, чертежи, заказчики, сроки. Архитектура была его женой, его любовницей, его религией.

Интересно, соскучился ли по нему чертежная доска?

Алексей поймал такси, назвал адрес. Водитель оказался разговорчивым, всю дорогу травил байки про политику, про цены, про жену-стерву. Алексей кивал, но не слушал. Смотрел в окно на проплывающие мимо дома, на людей, на машины, на голые ветки деревьев. Город жил своей обычной жизнью, и эта жизнь казалась Алексею нереальной, плоской, как декорация. После больничной стерильности все выглядело слишком ярким, слишком резким, слишком настоящим. Глаза болели от этого избытка реальности.

Такси остановилось у его дома – старой девятиэтажки, облицованной мелкой серой плиткой, с облупившимися балконами и вечно сломанным домофоном. Родные стены. Алексей расплатился, вышел, вдохнул привычный запах подъезда – смесь кошек, сырости и жареной картошки. Лифт не работал, пришлось подниматься пешком на четвертый этаж.

Ключ повернулся в замке с трудом – заклинило от долгого бездействия. Дверь открылась, и Алексея встретил запах его собственной квартиры. Пыльный, спертый, чужой. Месяц без хозяина – и дом перестает быть домом, превращаясь просто в помещение.

Он вошел, бросил пакет на тумбочку в прихожей, снял куртку. И тут же, автоматически, посмотрел на настенные часы, висевшие напротив входа. Старые, еще от бабушки, с маятником и гирьками в виде шишек. Они всегда шли точно, хоть и требовали завода раз в неделю.

Часы стояли.

Секундная стрелка замерла ровно на двенадцати, минутная – на сорока пяти, часовая – где-то между десятью и одиннадцатью. Время остановилось.

Алексей вздохнул. Ну конечно, завод кончился. Месяц без присмотра – неудивительно. Он снял часы со стены, поднес к уху – тишина. Механизм встал. Надо будет завести, но потом, позже. Сейчас хотелось просто упасть на диван и не двигаться.

Он повесил часы обратно, прошел в комнату, рухнул на диван, закрыл глаза. В голове гудело, мысли путались. Надо было разобрать вещи, надо было сходить в магазин, надо было жить дальше. Но сил не было.

Он лежал минут десять, пятнадцать, полчаса. Потом встал, побрел на кухню, налил воды из-под крана, выпил. Вернулся в прихожую, чтобы взять пакет с вещами, и снова посмотрел на часы.

Часы шли.

Секундная стрелка бодро отсчитывала время, маятник покачивался, гирьки опустились сантиметра на два. Время шло. Алексей моргнул. Проверил – стрелки двигались. Поднес к уху – тикали.

Странно. Может, он просто не заметил, как их завел? Нет, ерунда. Он только что вошел, только что снял их со стены, только что убедился, что они стоят. А теперь идут.

Алексей пожал плечами. Мало ли. Контакт отошел, потом восстановился. Механика – дело такое. Он взял пакет, отнес в спальню, бросил на кресло. Вернулся в прихожую.

Часы стояли.

Стрелки замерли на том же месте, где были, когда он их только повесил. Секундная – на двенадцати. Маятник недвижим.

Алексей замер. Он смотрел на часы, часы смотрели на него своим циферблатом, и между ними повисло что-то неправильное, нехорошее.

Он подошел, снял их, потряс. Никакого звука. Поставил на тумбочку, прошелся по комнатам, вернулся – стоят. Взял в руки, завел механизм до упора – гирьки поднялись, маятник дернулся, пошел. Алексей повесил часы на место, отошел на шаг, наблюдая.

Секундная стрелка двигалась. Медленно, но верно. Вот она прошла четверть оборота, половину, подходит к двенадцати. Алексей не отводил взгляда. Стрелка дошла до двенадцати – и остановилась.

Как вкопанная.

Маятник замер.

Часы снова стояли.

– Да что за черт? – вслух сказал Алексей.

Он подошел к часам вплотную, тронул маятник пальцем – качнулся, пошел, но без энтузиазма, словно нехотя. Стрелка дернулась, но не сдвинулась с места.

Алексей отошел к двери, обернулся. Часы стояли. Он снова подошел, снова тронул – пошли. Отошел – встали.

Это походило на какой-то дурацкий эксперимент. Он подходил – часы шли. Он отходил – останавливались. Он смотрел на них – они шли, пока он смотрел, но стоило отвести взгляд или отвернуться – они замирали.

– Так не бывает, – сказал Алексей.

Он снова подошел, снял часы, положил на тумбочку циферблатом вверх, сел на корточки и уставился на них в упор. Стрелки двигались. Секундная дергалась рывками, проходила круг, другой, третий. Маятник лежал на боку, но в часах было что-то еще – балансир, какая-то деталь тикала внутри корпуса. Алексей не отводил взгляда минуту, две, пять.

Потом его позвали.

Где-то в глубине квартиры зазвонил телефон – старый, проводной, который он забыл отключить. Алексей машинально поднял голову, прислушиваясь: кто бы это мог быть? Врачи? С работы?

Телефон звонил настойчиво, требовательно. Алексей встал, пошел в комнату, снял трубку.

– Алло?

– Алексей? – голос в трубке был незнакомым, женским, чуть хриловатым. – Это из больницы беспокоят, из реанимации. Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – ответил он. – А в чем дело?

– Да вот, хотим уточнить, не было ли у вас головокружений, потери сознания, странных ощущений? После клинической смерти иногда бывают фантомные боли, галлюцинации...

– Нет, все в порядке, – перебил Алексей. – Спасибо за беспокойство.

– Хорошо, – голос в трубке помолчал. – Но если что-то заметите – сразу звоните. Любые странности. Даже самые незначительные. Это может быть важно.

– Обязательно, – сказал Алексей и положил трубку.

Вернулся в прихожую.

Часы лежали на тумбочке циферблатом вверх, и стрелки на них стояли там же, где он их оставил – на двенадцати, сорока пяти и десяти. Секундная замерла, не дойдя до двенадцати какого-то миллиметра.

Алексей взял часы в руки. Холодные, тяжелые, мертвые. Он потряс их – никакой реакции. Поднес к уху – тишина. Положил обратно на тумбочку, отошел, вернулся – то же самое.

Он вдруг отчетливо осознал, что сейчас, сию минуту, происходит нечто, не укладывающееся в его картину мира. Часы не могут останавливаться, когда на них не смотрят. Это противоречит всему, что он знает о физике, о механике, о здравом смысле.

Но факт оставался фактом: часы шли только тогда, когда он на них смотрел.

– Это бред, – сказал Алексей громко. – Я устал. У меня галлюцинации. Мне надо поесть и лечь спать.

Он убрал часы в шкаф, подальше с глаз. Заставил себя сходить на кухню, сварить пельмени, поесть. Потом принял душ – долго стоял под горячей водой, пытаясь смыть с себя липкое ощущение неправильности.

Когда он вышел из ванной, было уже темно. Ноябрьский день короток. Алексей прошел в спальню, лег, укрылся одеялом и уставился в потолок. В квартире было тихо. Только где-то за стеной мерно гудел холодильник.

Он закрыл глаза.

И тут же открыл.

В спальне кто-то был.

Нет, не был – это чувство пришло откуда-то изнутри, из тех глубин, которые помнили черноту и взгляд. То же самое давление, то же ощущение чужого внимания. Алексей резко сел на кровати, включил ночник.

Никого.

Комната была пуста. Шкаф, кресло с его вещами, письменный стол, монитор компьютера. Все на месте. Только зеркало на дверце шкафа отражало его самого – взъерошенного, бледного, с расширенными зрачками.

Алексей смотрел в зеркало, и отражение смотрело на него. Обычное дело. Но что-то было не так. Что-то в выражении лица. Алексей нахмурился – отражение нахмурилось. Алексей приподнял бровь – отражение сделало то же самое. Но в глазах отражения было что-то чужое. Какая-то застывшая настороженность, словно оно ждало чего-то. Словно оно изучало его, а не он его.

– Ты чего? – спросил Алексей вслух и сам испугался своего голоса.

Отражение не ответило. Оно просто смотрело, и в этом взгляде не было ничего, кроме пустоты.

Алексей моргнул. Отражение моргнуло с запозданием. На долю секунды позже. Словно между ними был крошечный временной разрыв.

Сердце пропустило удар. Алексей вскочил, подошел к зеркалу вплотную, ткнул пальцем в стекло. Холодное, гладкое, обычное. Отражение ткнуло пальцем в ответ, синхронно. Но когда Алексей убрал руку, отражение замешкалось – и убрало чуть позже.

– Нет, – сказал Алексей. – Этого не может быть.

Он отошел от зеркала, сел на кровать, не сводя глаз со своего двойника. Тот сидел на кровати в отражении и тоже не сводил глаз. Но в лице его проступило что-то новое. Усмешка? Нет, скорее понимание. Словно отражение знало то, чего не знал он.

Так они сидели минуту, две. Потом Алексей резко встал, подошел к шкафу и задвинул дверцу, закрыв зеркало. Стало легче. Но чувство чужого взгляда не исчезло. Оно просто переместилось. Теперь Алексею казалось, что на него смотрит темный угол комнаты, и потолок, и окно с чернотой за стеклом.

Он лег, натянул одеяло до подбородка и уставился в одну точку. Спать не хотелось. Хотелось, чтобы наступило утро и все эти странности рассеялись, как ночной кошмар.

Но утро было далеко.

За стеной зашумели трубы – соседи сверху сливали воду. Где-то залаяла собака. Обычные звуки, привычная жизнь. Алексей начал успокаиваться, дыхание выровнялось, веки отяжелели.

Он уже почти заснул, когда услышал шаги.

Шаги в коридоре.

Четкие, тяжелые, медленные. Кто-то шел от входной двери в комнату. Алексей замер, прислушиваясь. Шаги приближались. Вот они уже у двери спальни. Вот скрипнула половица прямо за порогом.

Алексей открыл глаза.

В дверном проеме никого не было. Но шаги не стихли. Они продолжались уже в самой комнате, обходя кровать, приближаясь к изголовью. Кто-то невидимый шел прямо на него.

Холодный пот выступил на лбу. Алексей хотел закричать, но горло перехватило спазмом. Он только смотрел в темноту и слушал, как шаги приближаются.

Они остановились в полуметре от кровати.

Тишина. Звенящая, абсолютная. Как тогда, в черноте.

Алексей чувствовал на себе взгляд. Тот самый взгляд из пролога – внимательный, изучающий, нечеловеческий. Кто-то стоял рядом с ним в темноте и смотрел.

Секунды тянулись бесконечно. Алексей не дышал. Сердце колотилось где-то в горле, готовое вырваться наружу.

Потом шаги пошли обратно. Так же медленно, так же тяжело. Удалились в коридор, стихли у входной двери.

Алексей выдохнул. Весь дрожа, он вскочил, включил свет, обшарил всю квартиру – пусто. Дверь заперта, окна закрыты. Никого.

Он вернулся в спальню, сел на кровать и просидел так до утра, не смыкая глаз, прислушиваясь к каждому шороху. Но больше ничего не происходило. Только часы в шкафу – он

проверил утром – стояли мертвым грузом, и стрелки на них застыли ровно на том месте, где он их оставил.

Время для них остановилось.

Или только для него?

Алексей не знал ответа. Но он начинал подозревать, что клиническая смерть забрала у него нечто большее, чем просто три минуты жизни. Она оставила в нем что-то чужое. Что-то, что теперь смотрело на мир его глазами.

И мир смотрел в ответ.

ГЛАВА 1. ОСТАНОВИВШИЕСЯ ЧАСЫ

Утро пришло серое, беспросветное, с мелким морсящим дождем, который барабанил по стеклу, как нервная дробь пальцев по столу. Алексей сидел на кухне с чашкой остывшего кофе и смотрел, как капли стекают по оконному стеклу, собираются в ручейки, находят трещинки в старом пластиковом подоконнике. Он не спал всю ночь. Глаза горели, веки налились свинцом, но стоило закрыть их – и сразу возвращалось то ощущение: шаги, взгляд, присутствие.

Он пытался убедить себя, что это была галлюцинация. Последствия клинической смерти. Врачи предупреждали: могут быть фантомные боли, странные ощущения, нарушения восприятия. Мозг пережил кислородное голодание, нейроны отмирали, новые связи формировались как попало. Конечно, ему будет мерещиться всякое. Нормально. Пройдет.

Но часы в шкафу стояли. Он проверял их трижды за ночь, вставал, включал свет, открывал дверцу – стрелки не двигались. Механизм умер. А тот факт, что они шли, когда он на них смотрел, – это был просто сбой восприятия. Ему показалось. Он устал, был в стрессовом состоянии, вот и показалось.

Зеркало? Тоже показалось. Запаздывание отражения – известный феномен, связанный с утомлением зрительных нервов. Что-то там про инерцию восприятия. Алексей плохо помнил физиологию, но был уверен: для всего есть научное объяснение.

Он допил холодный кофе, поморщился от горечи и поставил чашку в раковину. Надо было брать себя в руки. Жизнь продолжается. Работа, проекты, заказчики. Нельзя раскисать из-за каких-то ночных страхов.

Алексей прошел в ванную, умылся ледяной водой, посмотрел в зеркало над раковиной. Обычное зеркало, обычное отражение. Он улыбнулся – отражение улыбнулось синхронно. Подмигнул – отражение подмигнуло. Все нормально. Вчерашнее просто померещилось.

Он побрился, принял душ, переоделся в свежую рубашку и джинсы. Взглянул на часы на запястье – электронные, с цифровым дисплеем. Они показывали 9:47. Надо было ехать в офис, показываться начальству, объяснять, что жив, здоров и готов приступить к работе. Алексей надел куртку, взял ключи, вышел в прихожую.

И замер.

Дверца шкафа, куда он вчера убрал настенные часы, была приоткрыта. Он точно помнил, что закрывал ее. Проверил перед тем, как лечь. Закрывал плотно, даже придавил, чтобы щелкнул магнитный замок. А теперь она стояла приоткрытой на ширину ладони.

Алексей медленно подошел к шкафу, потянул дверцу на себя. Часы лежали на полке циферблатом вверх, и стрелки на них... двигались.

Секундная стрелка ползла по кругу, минутная медленно смещалась к сорока шести, часовая застыла между десятью и одиннадцатью. Часы шли. Без маятника, без завода, просто лежа на боку – но шли.

Алексей протянул руку, коснулся корпуса. Холодный, как вчера. Поднес к уху – тиканья не было. Только легкое гудение, которое могло быть просто фоновым шумом в его собственных ушах. Он взял часы в руки – стрелки продолжали движение. Перевернул их – стрелки остановились. Перевернул обратно – пошли снова.

– Ориентация в пространстве? – вслух спросил он. – Механизм реагирует на положение?

Но это не объясняло, почему они стояли вчера, когда он смотрел на них. Или объясняло? Если контакт где-то отошел, и часы работают только в определенном положении... Алексей положил их на полку циферблатом вверх, отошел на шаг. Стрелки двигались. Вышел из прихожей в коридор, вернулся – двигались. Подошел вплотную – двигались.

– Значит, вчера был просто сбой, – сказал он вслух, успокаивая себя. – Механическая неисправность. Надо отнести в мастерскую.

Он закрыл дверцу шкафа, на этот раз проверив, что магнит защелкнулся. Постоял секунду, прислушиваясь. Из-за дверцы доносилось легкое тиканье. Часы шли. Ну и ладно.

Алексей вышел из квартиры, запер дверь, спустился по лестнице. На площадке между вторым и первым этажом стояла пожилая соседка, Мария Ивановна, с авоськой, полной продуктов. Она тяжело дышала, опиралась на перила.

– Ой, Алеша! – обрадовалась она, увидев его. – А я слышала, вы в больнице! Что случилось-то? Авария, говорят?

– Авария, Мария Ивановна, – кивнул Алексей, останавливаясь. – Но уже все хорошо, выписали.

– Слава богу, слава богу, – закивала соседка. – А то я все думаю: молодой ведь, здоровый, и вдруг... Вы там берегите себя, не спешите, здоровье – оно дороже всего.

– Спасибо, – сказал Алексей и хотел уже идти дальше, но Мария Ивановна продолжала стоять, перегораживая проход своей авоськой.

– А у меня горе, Алеша, – вздохнула она. – Барсик-то мой... помер. Вчера утром нашли под дверью. Видно, сердечко не выдержало. Старенький был, восемнадцать лет... – Голос ее дрогнул, глаза наполнились слезами. – Всю ночь проплакала. Один ведь он у меня был, как семья...

Алексей почувствовал привычный укол неловкости. Он никогда не умел утешать людей. Все эти слова – «соболезную», «держись», «все будет хорошо» – казались ему фальшивыми, пустыми. Он механически подумал: «Господи, хоть бы ты замолчала, я опаздываю». И тут же устыдился этой мысли. Человек в горе, а он о своем опоздании.

– Мне очень жаль, Мария Ивановна, – сказал он как можно мягче. – Хороший был кот.

Соседка кивнула, вытирая слезы свободной рукой. Алексей посторонился, пропуская ее, и вдруг почувствовал резкий, тошнотворный запах. Так пахнут больницы, морги, места, где смерть становится рутиной. Формалин, тлен, что-то сладковато-гнилостное, от чего подкатывает к горлу.

Он невольно отшатнулся, зажал нос. Запах шел от Марии Ивановны. Он окутывал ее, как облако, как аура. Алексей поднял взгляд на ее лицо – и кровь застыла в жилах.

Кожа соседки приобрела синюшный, землистый оттенок. Глаза, секунду назад полные живых слез, стали мутными, остекленевшими, как у рыбы на прилавке. Губы посинели, из приоткрытого рта не вырывалось дыхания. Она стояла неподвижно, с авоськой в руке, и смотрела прямо сквозь Алексея пустыми, невидящими глазами.

Это длилось мгновение. Миг, вспышка, галлюцинация.

– ...выздоровливайте, Алеша, – донесся до него голос Марии Ивановны, живой, теплый, с привычными старушечьими интонациями. – Заходите, я пирожков испеку. Мои-то все равно кому теперь... Барсику не нужны...

Алексей моргнул. Соседка стояла перед ним обычная – румяная, полная, с живыми глазами и мокрыми от слез щеками. Никакого синюшного оттенка, никакого запаха. Только легкий запах старой квартиры и дешевых духов.

– Д-да, спасибо, – выдавил он. – Обязательно зайду.

Он почти сбежал по лестнице, вылетел на улицу и вдохнул холодный ноябрьский воздух полной грудью. Сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали.

– Это просто галлюцинация, – прошептал он, идя к остановке. – Усталость. Стресс. Бессонница. Мерещится всякое.

Но запах формалина все еще стоял в ноздрях, и лицо соседки с остекленевшими глазами не желало исчезать из памяти.

Подошедший автобус, набитый сонными людьми, вырвал его из оцепенения. Алексей втиснулся в салон, и привычная тряска, запах промокшей обуви и чей-то портфель, уткнув-

шийся ему в бок, действовали отрезвляюще. К тому моменту, как он вышел в центре, холодный воздух и городской шум почти вытравивали из головы ужас ночной смены. Почти.

Офис архитектурного бюро «Перспектива» находился в старом здании с высокими потолками и лепниной на фасаде. Алексей работал здесь уже пять лет, занимался жилыми комплексами и офисными центрами. Работа была рутинной, но стабильной, коллектив – привычным, начальство – адекватным. В общем, обычная офисная жизнь обычного проектировщика.

Когда он вошел в офис, его встретили удивленные взгляды. Народ уже был в сборе: кто-то пил кофе у кулера, кто-то пилился в мониторы, кто-то перешептывался в углу. Первым его заметил Петрович – коллега, с которым они сидели через перегородку. Полный мужик лет пятидесяти, с вечно потным лбом и любовью к дешевым автомобилям.

– Леха! – заорал Петрович на весь офис. – Живой! А нам тут такое рассказывали – волосы дыбом! Клиническая смерть, реанимация, чуть не отправился к праотцам! – Он подскочил к Алексею, хлопнул по плечу, едва не сбив с ног. – Ну ты даешь, брат! Как ты? Где болит?

– Все нормально, – Алексей попытался улыбнуться. – Выписали.

– Нормально? – Петрович округлил глаза. – Три минуты без сердца – и нормально? Да ты у нас теперь киборг, Леха! Терминатор! – Он заржал, довольный своей шуткой.

Из кабинета начальника вышел сам шеф, Виктор Семенович, высокий сухой мужчина с неизменной трубкой (которую он не курил, а только жевал). Кивнул Алексею:

– Зайди ко мне через час. Надо обсудить твой проект по ЖК «Видный». Сроки горят.

– Хорошо, – ответил Алексей.

Он прошел на свое место, сел в кресло, которое помнило форму его тела, включил компьютер. Все было привычно, обычно, почти уютно. Если не считать того, что руки все еще дрожали, а перед глазами то и дело всплывало синюшное лицо соседки.

– Слушай, – Петрович придвинулся на стуле вместе с креслом, понизил голос до заговорщицкого шепота. – А что там, за гранью? Видел чего? Трубу, ангелов, чертей? – Он подмигнул. – Расскажи, интересно же.

– Ничего не видел, – сухо ответил Алексей. – Темнота и тишина.

– Ну, может, оно и к лучшему, – Петрович разочарованно отодвинулся. – А я вот вчера тачку новую присмотрел. «Киа Рио», почти новая, всего три года, пробег смешной. Хозяин срочно продает, денег надо. Такую цену ломит – закачаешься! – Он заговорщицки понизил голос. – Пятьсот всего. Представляешь? Я уже и задаток внес, завтра забираю.

Алексей кивнул, делая вид, что изучает почту. Петрович врал. Он всегда врал. Про машины, про дачу, про знакомства, про рыбалку. Это была беззлобная ложь человека, которому нечем больше похвастаться в жизни. Все в офисе знали, что Петрович привирает, но никто не обижался – так, часть корпоративной культуры.

– Там движок – зверь, – продолжал Петрович, вдохновляясь. – Полтора литра, сто двадцать лошадей, разгон до сотни за девять секунд! Я вчера прокатился – дух захватывает! А салон – кожа, климат-контроль, подогрев всего... Эх, теперь буду как белый человек!

Алексей слушал вполуха, просматривая письма. Накопилось много: заказчики требовали правок, смежники прислали новые нагрузки, сметчики ругались на нестыковки. Обычная рабочая каша. Он начал отвечать на первое письмо, когда Петрович вдруг тронул его за плечо:

– Ты чего молчишь? Не веришь, что ли? Думаешь, вру?

– Верю, Петрович, – устало сказал Алексей, не отрываясь от монитора. – Хорошая машина.

– Да ты посмотри на меня! – Петрович обиженно надул губы. – Я ж тебе по-человечески рассказываю, а ты нос воротишь. Думаешь, если ты смерть пережил, так теперь святой? Или умнее всех?

Алексей вздохнул, повернулся к нему. И тут же пожалел об этом. Потому что в голове против воли пронеслась мысль: «Господи, да заткнись ты уже со своим враньем. Чтоб ты провалился».

Он даже не придал этому значения. Просто раздраженная мысль, каких тысячи проносятся в голове каждый день.

Но Петрович вдруг осекся на полуслове.

Лицо его побледнело, глаза расширились, рот открылся в беззвучном крике. Он схватился за грудь, дернулся, как от удара током, и начал заваливаться на бок.

– Петрович? – Алексей вскочил. – Петрович, что с тобой?

Коллега не отвечал. Он сполз с кресла на пол, держась за сердце, и застыл в неестественной позе. Глаза его закатились, изо рта пошла пена.

– Врача! – закричал кто-то в офисе. – Скорую! Человеку плохо!

Началась суматоха. Кто-то бежал за аптечкой, кто-то звонил в скорую, кто-то пытался нащупать пульс на запястье Петровича. Алексей стоял столбом, глядя на то, что натворила его мысль.

Он знал, что это сделал он.

Знал так же отчетливо, как знал, что его зовут Алексей. Та же сила, что останавливала часы, что превращала живую соседку в мертвеца на миг, сейчас ударила в Петровича. И удар этот мог оказаться смертельным.

– Есть пульс! – крикнула секретарша Света, отрываясь от шеи Петровича. – Слабый, нитевидный, но есть! Дышит! Дышит!

Подросла аптечка, кто-то сунул Петровичу под язык таблетку нитроглицерина. Минуты тянулись бесконечно. Потом приехала скорая, врачи переложили Петровича на носилки, задали несколько вопросов, сделали укол и увезли.

Офис затих. Все сидели по местам, переваривая случившееся. Алексей смотрел на пустое кресло Петровича и не мог отвести взгляд.

– Сердце, – сказал Виктор Семенович, выходя из кабинета. – Врачи сказали – микроинфаркт. Но мужик он здоровый, должен оклематься. Работаем, коллеги. Ничего страшного не случилось.

Ничего страшного. Алексей чуть не рассмеялся в голос. Ничего страшного – он только что чуть не убил человека силой мысли. Или убил? Пульс же был. Вроде жив. Но надолго ли?

Он просидел до обеда как на иголках, не в силах сосредоточиться на работе. Пытался отвечать на письма, но буквы расплывались перед глазами. Пытался чертить, но линии не слушались мыши. Мысли крутились вокруг одного: что с ним происходит? Что за сила в нем поселилась? И как ее контролировать?

В обед он не пошел в столовую, остался на месте. Достал телефон, набрал номер больницы, куда увезли Петровича. Долго слушал гудки, потом автоответчик: «Интересующая вас информация может быть предоставлена только родственникам». Он положил трубку.

Вернулись коллеги, обсуждали случившееся. Кто-то говорил, что Петрович жаловался на сердце на прошлой неделе. Кто-то вспоминал, что у него отец умер от инфаркта в пятьдесят. Находили объяснения, успокаивали себя. Алексей молчал.

После обеда его вызвал начальник. Обсуждали проект, сроки, правки. Алексей отвечал механически, кивал, соглашался. Виктор Семенович смотрел на него с подозрением:

– Ты сам-то как? Может, тебе еще отдохнуть надо? Выглядишь неважно.

– Нормально, – сказал Алексей. – Просто переживаю за Петровича.

– Переживай, но работу делай, – жестко ответил начальник. – Сроки не ждут.

Алексей вернулся на место, уткнулся в монитор. И вдруг понял, что боится смотреть на людей. Боится, что каждая случайная мысль может стать реальностью. Что стоит ему подумать

о ком-то плохо – и человек упадет замертво. Или, наоборот, подумать хорошо – и случится чудо? Он не знал, как это работает. Знал только, что это работает.

Он достал из ящика стола старые солнечные очки, которые носил прошлым летом, надел их. В офисе было пасмурно, очки делали все еще темнее, но Алексей чувствовал себя защищенным. Если он не будет видеть глаза людей, может, и мысли не будут материализоваться?

Коллеги косились, но молчали, спросили только раз:

– Лех, ты чего в очках? Солнца же нет.

– Глаза болят, – соврал он. – После больницы светочувствительность.

Поверили. Или сделали вид, что поверили. Алексей просидел в очках до вечера, стараясь ни на кого не смотреть, ни о чем не думать. Мысли он контролировать не мог – они приходили сами, цеплялись за обрывки разговоров, за мелькающие лица. Но, слава богу, ничего больше не случилось. Никто не падал, не замирал, не превращался в мертвеца.

В шесть он собрался и ушел, не дожидаясь окончания рабочего дня. Никто не остановил. В метро он старался смотреть в пол, в стену, в телефон – куда угодно, только не на людей. Вагон был набит битком, час пик, толпа давила со всех сторон. Алексей стоял у дверей, сжимая поручень, и чувствовал, как его начинает трясти.

Слишком много людей. Слишком много лиц. Слишком много мыслей, которые могут стать реальностью.

Он закрыл глаза. И сразу же перед внутренним взором возникло лицо Петровича – бледное, с закатившимися глазами. А потом – лицо соседки, синюшное, мертвое. А потом – чернота, из которой на него смотрели.

– Следующая станция – «Площадь Восстания», – объявил динамик.

Алексей открыл глаза, вышел на платформу, поднялся по эскалатору. На улице уже стемнело, горели фонари, моросил дождь. Он шел к дому быстрым шагом, почти бежал. Ему казалось, что за ним следят. Что из каждой подворотни, из каждого окна на него смотрят. Взглядов было слишком много, они давили, сверлили спину, заставляли ускоряться.

У подъезда он столкнулся с Марией Ивановной. Она выходила с мусорным ведром, в халате и тапках на босу ногу. Увидела Алексея, улыбнулась:

– Алеша! А я вам звонила сегодня, вы не брали трубку. Хотела пирожков предложить, напекла целую гору. Барсику бы понравились... – Она всхлипнула, но тут же взяла себя в руки. – Заходите, если хотите. У меня и чай есть, и варенье.

Алексей посмотрел на нее. Обычная старушка, живая, теплая. Никакого запаха формалина, никакой синевы. Может, и правда показалось?

– Спасибо, Мария Ивановна, – сказал он. – Может, завтра. Сегодня что-то устал очень.

– Конечно-конечно, – закивала она. – Идите отдыхайте. Здоровье – оно главное.

Он зашел в подъезд, поднялся на свой этаж, открыл дверь. В прихожей было тихо. Алексей скинул куртку, ботинки и сразу подошел к шкафу. Открыл дверцу.

Часы лежали на полке. Стрелки стояли ровно на том месте, где он их оставил утром, когда они шли. Значит, шли, пока его не было? Или остановились, как только он вышел?

Алексей взял их в руки. Холодные, тяжелые, мертвые. Ни тиканья, ни движения. Он положил их обратно, закрыл шкаф. Прошел в комнату, сел на диван.

Нужно было все записать. Систематизировать. Понять, с чем он имеет дело.

Он достал из стола толстую тетрадь в клетку, купленную когда-то для рабочих записей, но так и оставшуюся чистой. Нашел ручку. Открыл первую страницу и задумался.

Что писать? *«Дорогой дневник, сегодня я чуть не убил коллегу»*? Смешно.

Он написал просто: *«Феномен. Наблюдения. День первый»*.

И ниже, стараясь быть максимально объективным:

«1. Часы (настенные, механические, марка "Янтарь", 1978 г.в.) останавливаются, когда я не смотрю на них. Работают только под моим прямым наблюдением. Эффект воспроизводится многократно. Возможно, работает с любыми механическими приборами? Проверить.

1. Зеркало. Задержка отражения примерно на 0,3-0,5 секунды. Отражение проявляет признаки самостоятельного поведения (выражение лица, не совпадающее с моим). Возможно, эффект связан с первым пунктом – зеркало тоже отражает мой взгляд? Но как?

2. Соседка М.И. Кратковременная галлюцинация (?) – лицо мертвеца, запах формалина. Длительность 1-2 секунды. После – норма. Связано ли с моим эмоциональным состоянием? Я подумал о ней раздраженно ("хоть бы замолчала").

3. Коллега Петрович. Микроинфаркт в момент, когда я подумал "чтоб ты провалился". Прямая причинно-следственная связь. Время совпадает. Возможно, я вызываю эти события мысленно. Возможно, мысли становятся реальностью.

Вопросы:

- Это только негатив или можно влиять позитивно?*
- Работает только на людей или на предметы тоже?*
- Как контролировать?*
- Связано ли с клинической смертью?»*

Он перечитал написанное. Выглядело как бред сумасшедшего. Если бы кто-то другой показал ему такой дневник, Алексей посоветовал бы обратиться к психиатру. Но это был его дневник, его реальность. И она требовала объяснений.

Он писал дальше, фиксируя каждую мелочь: время, когда заметил эффект с часами, свои ощущения, попытки воспроизвести. Потом вспомнил про очки и добавил:

«Очки (солнцезащитные) помогали в офисе. Когда я не вижу глаз людей, мыслей меньше. Но они все равно приходят. Нужна полная изоляция?»

Закончив, он отложил тетрадь и посмотрел на часы на запястье. Электронные, с цифровым дисплеем, показывали 20:17. Они работали исправно. Не останавливались, не сбоили. Значит, эффект только на механику? Или на что-то другое?

Он снял часы, положил на стол и уставился на них. Цифры мигали, отсчитывая минуты. 20:18, 20:19... Алексей отвел взгляд, посчитал до двадцати, снова посмотрел. Цифры показывали 20:20. Все нормально. Электроника не реагировала.

– Интересно, – сказал он вслух. – Механика да, электроника нет.

Он прошелся по квартире, проверяя другие приборы. Механический будильник на тумбочке – стоял, хотя должен был тикать. Алексей взял его в руки, завел. Секундная стрелка дернулась, пошла. Он положил будильник на место, отошел. Через минуту вернулся – стрелки стояли. Та же история.

Настенные часы в комнате, тоже механические, старые, с боем – стояли мертвым грузом. Он их заводил еще до больницы, должны были идти неделю. Но они стояли. И пошли только тогда, когда Алексей подошел и уставился на них. Под его взглядом стрелки двигались, маятник качался, даже бой, кажется, собирался пробить, но как только он отворачивался – все замирало.

– Значит, не только те, первые, – пробормотал Алексей. – Все механические часы в поле моего зрения.

Он прошел на кухню, проверил старый ходики над столом – та же картина. Стояли. Посмотрел – пошли. Отвернулся – встали.

Это было похоже на игру, на дурацкий фокус. Но Алексей не чувствовал себя фокусником. Он чувствовал себя подопытным кроликом.

Он вернулся в комнату, сел за стол и дописал в дневнике:

«Механические часы в квартире (минимум 4 штуки) реагируют на мое внимание. Стоят, когда я не смотрю. Идут, когда смотрю. Электроника – нет.

Вопрос: это я влияю на время? Или на восприятие времени? Или часы – только индикатор чего-то большего?»

Он закрыл тетрадь, убрал в ящик стола. Надо было что-то есть, но есть не хотелось. Хотелось лечь и забыться. Но он боялся ложиться. Боялся темноты, боялся шагов, боялся взгляда из ниоткуда.

Алексей включил везде свет – в комнате, в коридоре, на кухне. Даже в ванной оставил гореть лампочку. Света было много, он заливал все углы, не оставляя места для теней.

Он лег на диван, включил телевизор – просто для фона, для звуков человеческой речи. Какая-то передача про животных, диктор рассказывал про повадки львов. Алексей смотрел на экран, но не видел. Мысли крутились вокруг одного: что он такое?

Существовали ли другие такие же? Люди, пережившие клиническую смерть и получившие этот дар? Или проклятие? Наверняка да. Он не мог быть единственным. Надо искать информацию, форумы, статьи. Но не сейчас. Сейчас сил не было даже на то, чтобы дойти до компьютера.

Телевизор бормотал, за окном шуршал дождь, в квартире было светло и, казалось бы, безопасно. Но Алексей все равно чувствовал чье-то присутствие. Оно было разлито в воздухе, как запах. Оно ждало. Наблюдало.

– Кто ты? – спросил он в пустоту. – Что тебе нужно?

Ответа не было. Только телевизор продолжал вещать, и диктор равнодушно сообщал, что прайд львов вышел на охоту.

Алексей закрыл глаза. Сознание начало проваливаться в вязкую темноту, унося его прочь от реальности с ее страхами, и в этом забытии перед ним медленно, из серой пелены, начал проявляться...

...город. Станный город, где все часы на башнях, на вокзалах, на старых зданиях показывали разное время. Но время это не двигалось – стрелки застыли в хаотичных положениях, словно город замер в момент какой-то катастрофы. Люди тоже замерли. Они стояли на улицах, в автобусах, в магазинах – неподвижные, как восковые фигуры. И все смотрели на Алексея.

Тысячи глаз. Из каждой витрины, из каждого окна, из каждой толпы – взгляды, взгляды, взгляды. Они не были враждебными. Они были просто внимательными. Изучающими. Регистрирующими.

Алексей шел по этому застывшему городу, и его шаги гулко отдавались в тишине. Он знал, что нужно найти выход. Что где-то есть место, где время идет нормально. Где люди двигаются, говорят, живут. Но улицы петляли, заводили в тупики, и всюду были глаза.

Он вышел на набережную. Река застыла, волны замерли, как на фотографии. На парапете сидел старик и смотрел на воду. Единственный, кто двигался в этом мире.

– Ты кто? – спросил Алексей.

Старик обернулся. Лица у него не было – только гладкая поверхность, как у манекена.

– Ты смотришь, – сказал старик голосом, похожим на скрип старой двери. – И мир становится таким, каким ты его видишь. Но кто смотрит на тебя?

Алексей хотел ответить, но вдруг понял, что старик – это он сам. Та же одежда, та же поза, только вместо лица – пустота.

– Посмотри в себя, – сказал старик-двойник. – Там тот, кто наблюдал всегда.

Алексей посмотрел внутрь себя и провалился в черноту.

Ту самую, из пролога.

Но теперь в черноте не было пустоты. В ней было множество огней, как звезд в ночном небе. Каждый огонь пульсировал, дышал, жил. И каждый огонь был чьим-то взглядом.

Алексей понял: он видит всех наблюдателей. Всех, кто когда-либо смотрел на мир и менял его своим вниманием. Их было много, очень много. И все они сейчас смотрели на него.

– Выбирай, – прошелестело со всех сторон. – Смотри или отведи взгляд. Но помни: если отведешь – исчезнешь.

Алексей проснулся от собственного крика.

Сердце колотилось где-то в горле, рубашка прилипла к спине от пота. В комнате было светло – горели все лампы, телевизор все еще бормотал про львов. Алексей посмотрел на часы на запястье – 3:47 утра. Он проспал несколько часов.

В квартире было тихо. Ни шагов, ни взглядов, ни присутствия. Только привычный гул холодильника и далекий шум дождя за окном.

Алексей перевел дух, встал, прошелся по комнате. Подошел к зеркалу на шкафу, посмотрел на свое отражение. Обычное, усталое, с темными кругами под глазами. Отражение зевнуло синхронно с ним. Никаких задержек.

– Хорошо, – сказал он своему двойнику. – Будем считать, что это был просто сон.

Он вернулся на диван, но лечь не стал. Сел, обхватив голову руками. Сон был слишком реальным. Слишком похожим на правду. «Выбирай: смотри или отведи взгляд». Что это значило? Какой выбор он должен сделать?

Мысли путались, натыкались друг на друга, рождали новые вопросы. Алексей чувствовал, что стоит на пороге чего-то важного. Что та сила, которая проснулась в нем после клинической смерти, не просто случайность. Она имеет цель. Или источник.

Он вспомнил взгляд из черноты. Тот, первый, в момент смерти. Кто это был? Что это было? И почему оно отпустило его?

Ответов не было. Была только усталость, страх и растущее понимание: его жизнь больше никогда не будет прежней.

За окном начало светать. Серый, тяжелый рассвет вползал в комнату, стирая тени, делая мир обычным и безопасным. Алексей смотрел, как свет медленно заливает улицу, дома, деревья, и в этом зрелище было что-то успокаивающее. Город просыпался, начинался новый день. Может, в этом дне найдется ответ?

Он встал, подошел к окну, коснулся лбом холодного стекла. Внизу, во дворе, уже появились первые прохожие – женщина с собакой, старик с палкой, мамаша с коляской. Обычные люди, обычная жизнь. Они не знали, что где-то на четвертом этаже стоит человек, который может остановить часы одним взглядом. Или убить мыслью.

Алексей закрыл глаза и постарался ни о чем не думать. Просто стоять и чувствовать, как утро входит в него, наполняет легкие, разгоняет кровь. Может, это и есть ответ – просто быть, не вмешиваться, не желать, не смотреть слишком пристально.

– Просто наблюдай, – сказал он шепотом. – Будь наблюдателем.

Слова повисли в воздухе и растаяли.

Алексей открыл глаза и посмотрел на настенные часы в комнате. Они шли. Секундная стрелка двигалась ровно, без сбоев, хотя он смотрел на них неотрывно. Они шли, и это было нормально.

Но как только он отвел взгляд, чтобы посмотреть на улицу, стрелки замерли.

Он знал это, не оборачиваясь. Знал так же отчетливо, как знал, что дышит. И когда через минуту он все-таки обернулся, часы стояли, как вкопанные.

– Черт, – выдохнул Алексей.

Значит, не показалось. Значит, это реально. И с этим придется жить.

Он подошел к часам, тронул маятник – они пошли. Отошел – остановились. Подошел – пошли. Как заведенная игрушка, как эксперимент, который он ставил сам над собой.

– Ладно, – сказал Алексей. – Будем учиться контролировать.

Он прошел на кухню, сварил кофе, заставил себя съесть бутерброд. Потом сел за стол и открыл свой дневник.

«День второй. Утро. Сон подтвердил мои подозрения: я не один такой. Есть другие "наблюдатели". И мне нужно их найти. Сегодня начинаю поиски в интернете. Также нужно проверить, работает ли эффект на людях, если я не смотрю на них, а только думаю. Осторожно, очень осторожно. Не дай бог еще кого-то убить.

План на сегодня:

- 1. Поиск информации в сети.*
- 2. Посещение больницы (узнать о Петровиче).*
- 3. Проверка эффекта на нейтральных объектах.*
- 4. Ни на кого не смотреть, ни о ком не думать».*

Он отложил ручку, допил кофе и посмотрел в окно. День обещал быть долгим. И, скорее всего, очень странным.

ГЛАВА 2. ВАГОН ТИШИНЫ

Утро второго дня после выписки встретило Алексея серым, тяжелым небом и противным морозящим дождем, который барабанил по стеклам с монотонностью плохо настроенного метронома. Он стоял у окна с чашкой уже третьего кофе и смотрел, как капли ползут по стеклу, собираются в ручейки, находят микроскопические трещинки в старом пластиковом подоконнике. Город внизу просыпался медленно, нехотя, словно тоже переживал похмелье после бессонной ночи.

Алексей не спал. Совсем. После того сна с застывшим городом и безликим стариком он боялся даже прикрыть глаза. Каждый раз, когда веки тяжелели, перед внутренним взором всплывали тысячи глаз, смотрящих на него из каждой витрины, из каждого окна, из каждой замершей фигуры. Он вставал, ходил по квартире, пил воду, снова садился, снова вставал. Телевизор работал всю ночь, перебирая каналы: ночные ток-шоу, старые фильмы, бесконечные новости про пожары и наводнения где-то далеко, в других странах, в другой жизни.

Так прошло несколько часов. В какой-то момент Алексей понял, что бороться бессмысленно: сон не придет. К шести утра он сдался. Принял ледяной душ, побрился, надел свежую рубашку и темные очки, которые теперь казались ему единственной защитой от мира. Очки скрывали его глаза, но главное – скрывали от него глаза других людей. Меньше взглядов – меньше соблазна подумать что-то лишнее. Или это только иллюзия? Он не знал. Но цеплялся за любую соломинку.

Выходя из квартиры, он снова проверил часы в шкафу. Они стояли. Он посмотрел на них – пошли. Выдохнул, закрыл дверцу и вышел, стараясь не думать о том, что происходит с механизмом, когда его взгляд перестает его удерживать в реальности.

На лестничной площадке было тихо. От Марии Ивановны не доносилось ни звука – видимо, старушка или спала, или ушла куда-то по своим делам. Алексей обрадовался отсутствию соседки: он не был готов снова увидеть ее живое лицо, за которым всего на секунду проступала маска мертвеца. Или мертвеца, за которым на секунду проступало живое лицо? Он уже перестал понимать, что реально, а что нет.

Улица встретила его запахом мокрого асфальта и выхлопных газов. Алексей глубоко вдохнул, пытаясь прочистить легкие от спертого квартирному воздуха, и направился к метро. Работа начиналась в девять, но он вышел пораньше, чтобы не толкаться в час пик. Не работало. Час пик в этом городе начинался в семь утра и заканчивался в десять вечера.

Станция метро «Проспект Ветеранов» встретила его привычным грохотом, толкотней и запахом сырости, который въелся в эти стены за десятилетия. Алексей спустился по эскалатору, стараясь смотреть только под ноги, на резиновые ступени, на мелькающие лампы дневного света в тоннеле. Люди обгоняли его, спешили, толкались, кто-то наступил на ногу и даже не извинился. Он не обернулся.

Платформа была забита. Поезд пришел через минуту, выплюнул толпу встречающих и всосал в себя толпу ждущих. Алексея втиснули в вагон так плотно, что он оказался зажат между чьей-то спиной и дверью. Дышать было трудно, но это даже успокаивало – физический дискомфорт отвлекал от душевного.

Поезд тронулся. Вагон качнуло, загудело, заскрипело. Алексей смотрел в темное окно, за которым мелькали огни тоннеля, и пытался ни о чем не думать. Просто смотреть. Просто быть. Просто наблюдать, как мелькают стыки рельсов, как отражаются в стекле лица пассажиров, как качаются поручни с висящими на них руками в перчатках и без.

Но мысли лезли сами.

Он думал о Петровиче. Как он там? Выжил? Оклемался? Вчера вечером он звонил в больницу, но трубку никто не взял. Надо будет сегодня съездить, узнать. Хотя бы извиниться.

Хотя как извинишься за то, что чуть не убил человека силой мысли? «Извини, Петрович, я случайно, больше не повторится»? Бред.

Он думал о соседке. О ее мертвом лице. О запахе формалина. О том, что, возможно, это было не видение, а предвидение. Может, Мария Ивановна действительно умрет? Или уже умерла, а он видит ее какой-то фантомной проекцией? Вопросы множились, ответов не было.

Он думал о часах. О том, что, выходя из квартиры, проверил все механические часы в доме – они стояли. Значит, без его наблюдения они не работают. Но тогда как они работали все эти годы до него? Или они работали потому, что за ними наблюдал кто-то другой? Какая-то коллективная сила взглядов всех людей, которые просто проходили мимо, смотрели на них мельком, регистрировали своим вниманием?

Мысль была странной, но почему-то казалась правильной. Часы идут, потому что на них смотрят. Люди живут, потому что на них смотрят. Мир существует, потому что в нем есть Наблюдатели. А если наблюдатель убирает взгляд – мир схлопывается в точку, в потенцию, в волновую функцию, ожидающую своего измерения.

Алексей вспомнил старые университетские курсы по квантовой физике. Кот Шредингера, который одновременно и жив, и мертв, пока на него не посмотрят. Двойная щель, где фотон ведет себя то как частица, то как волна, в зависимости от того, наблюдают за ним или нет. Все эти эксперименты, которые доказывали, что реальность на квантовом уровне зависит от наблюдателя.

Но чтобы на макроуровне? Чтобы часы останавливались, когда на них не смотрят? Чтобы люди падали замертво от случайной мысли?

Это было уже слишком.

– Следующая станция – «Ленинский проспект», – объявил динамик голосом уставшей женщины.

Поезд замедлился, вагон тряхнуло, толпа качнулась. Алексей вцепился в поручень, удерживая равновесие. Двери открылись, выпустили часть пассажиров, впустили новых. Стало еще теснее. Его прижали к стеклу двери, и теперь он видел не только темноту тоннеля, но и отражение вагона со всеми людьми.

Их было много. Стоящих, сидящих, читающих, смотрящих в телефоны, дремлющих. Обычные лица уставших людей, едущих на работу. Мужчины в костюмах и с портфелями, женщины с сумками и в туфлях на каблуках, студенты с рюкзаками и наушниками, пенсионеры с авоськами и тележками. Живой, дышащий, шумный организм вагона метро.

Шум.

Алексей вдруг остро, до боли, осознал, сколько здесь звуков. Гул моторов, скрежет колес, шипение дверей, объявления динамика, кашель, чихание, разговоры, смех, шуршание пакетов, шелест страниц, стук каблуков, дыхание сотен людей, сдавленное пространством вагона. Звуки накладывались друг на друга, смешивались в какофонию, от которой закладывало уши.

Он терпел. Сжимал зубы, смотрел в окно, пытался отключиться. Но звуки проникали сквозь любые барьеры, ввинчивались в мозг, как сверла.

– ...а он мне говорит, представляешь? А я ему...

– ...цены выросли, вообще кошмар...

– ...Ленка, ты слышала, что Колька...

– ...домашка опять, сил нет...

– ...билеты на поезд, хоть плачь...

– ...а я тебе русским языком сказала...

– ...заткнись, сам дурак...

– ...опаздываем, опоздаем, шеф убьет...

– ...спи, малыш, спи, скоро приедем...

Каждый голос был отдельной историей, отдельной жизнью, отдельным миром. И все эти миры сейчас сталкивались в тесном пространстве вагона, терлись друг о друга, раздражали, давили. Алексей чувствовал, как в нем нарастает волна раздражения. Глухого, иррационального, всепоглощающего.

Он хотел тишины.

Он хотел, чтобы все они замолчали. Хотя бы на минуту. Хотя бы на секунду. Чтобы этот бесконечный шум человеческого существования перестал врывать в его голову, разрывать мысли на клочки, мешать сосредоточиться на самом главном – на том, как выжить в этом новом, странном мире, где мысли убивают.

– Да замолчите вы все! – прошептал он одними губами.

Это была не мысль даже, а скорее молитва, крик души, вырвавшийся наружу без контроля, без намерения, просто как естественная реакция организма на перегрузку.

И вдруг...

Тишина.

Абсолютная, полная, вакуумная тишина.

Она накрыла вагон, как одеялом. Гул моторов исчез. Скрежет колес исчез. Голоса исчезли. Дыхание исчезло. Даже собственное сердцебиение исчезло – Алексей не слышал его, хотя только что оно колотилось где-то в горле.

Поезд продолжал движение. Он чувствовал это по вибрации, по легкому покачиванию, по мелькающим за окном огням. Но звука не было. Никакого. Словно кто-то выключил звуковую дорожку мира.

Алексей поднял глаза от пола, куда смотрел все это время, и обвел взглядом вагон.

Люди замерли.

Все до одного. Мужчины, женщины, дети, старики. Они застыли в тех позах, в которых их застала тишина. Кто-то с открытым ртом, собираясь что-то сказать. Кто-то с поднятой рукой, держащей телефон. Кто-то с полуопущенными веками, дремавший стоя. Кто-то с улыбкой, застывшей на губах.

И все они смотрели на него.

Сотни глаз. Сотни лиц, повернутых в его сторону. Не просто повернутых – обращенных. Словно они только и ждали момента, когда он поднимет взгляд, чтобы встретить его своим вниманием.

Это длилось мгновение. Вспышку. Миг между ударом сердца и следующим ударом. Но Алексей успел увидеть каждое лицо. Успел заметить, что в их глазах нет жизни. Они были пусты, как у манекенов, как у кукол, как у мертвецов. Но при этом они смотрели. Смотрели все вместе, синхронно, будто подчиняясь единому сигналу.

Десять секунд. Может, меньше. Может, больше. Время потеряло значение.

А потом звук вернулся.

Он ворвался в вагон, как лавина, как ударная волна, как поезд, влетающий в тоннель на полной скорости. Гул, скрежет, голоса, дыхание – все разом, все сразу, оглушая, дезориентируя.

– ...я тебе говорю, он совсем охренел... – донесся обрывок фразы откуда-то слева.

– «Ленинский проспект», следующая станция... – объявил динамик.

Люди задвигались, закашляли, засмеялись, зашептались. Жизнь вернулась в вагон, и никто, абсолютно никто не заметил, что только что мир остановился на десять секунд.

Кроме Алексея.

Он стоял, вцепившись в поручень побелевшими пальцами, и чувствовал, как по спине течет холодный пот. Сердце колотилось где-то в горле, готовое вырваться наружу. Во рту пересохло, в глазах потемнело.

– Молодой человек, вам плохо? – спросила женщина, стоящая рядом. Лет сорока, в пальто и вязаной шапке, с сумкой через плечо. – Вы такой бледный. Присесть хотите?

Алексей посмотрел на нее. Обычное лицо, обычные глаза, обычная забота. Она не замирала. Она не смотрела на него пустыми глазами куклы. Она была живая.

– Нет, спасибо, – выдавил он. – Все нормально.

– Ну смотрите, – женщина пожала плечами и отвернулась к окну.

Поезд замедлился, подъезжая к станции. Двери открылись, толпа хлынула наружу. Алексей рванул за ней, едва не сбив с ног какого-то мужчину с портфелем. Выскочил на платформу, пробежал несколько шагов, остановился, переводя дыхание.

Станция жила своей обычной жизнью. Люди спешили к эскалаторам, к переходам, к поездкам. Кто-то пил кофе из бумажного стаканчика, кто-то говорил по телефону, кто-то целовался на скамейке. Обычное утро обычного дня.

Никто не замирал. Никто не смотрел на него пустыми глазами.

– Это был не сон, – прошептал Алексей. – Это было на самом деле.

Он прошел к скамейке, сел, уронил голову на руки. Мысли путались, натыкались друг на друга, не складывались в связную картину. Он остановил время? Он заставил людей замереть? Он выключил звук? Или это все было галлюцинацией, плодом его больного воображения?

Но тогда почему он помнит это так отчетливо? Каждое лицо, каждый пустой глаз, каждую застывшую позу? Галлюцинации не бывают такими детальными. Или бывают?

Он поднял голову и посмотрел на часы на запястье. Электронные, цифровые. 8:47. Поезд шел по расписанию, время не сбилось. Значит, остановки времени не было? Или была, но часы просто не заметили?

– Алексей? Леха, ты?

Он вздрогнул, обернулся. Рядом стоял парень в синей форменной куртке метрополитена, с бейджиком на груди. Молодой, лет двадцати пяти, с рыжей бородкой и веселыми глазами.

– Не узнаешь? – улыбнулся парень. – Димон, мы с тобой в одной школе учились, в параллельных классах. На выпускном еще пили вместе, помнишь?

Алексей всмотрелся в лицо. Действительно, что-то знакомое. Димон. Дима Скворцов. Кажется, они действительно пересекались пару раз после школы, в компаниях.

– Привет, – выдавил Алексей. – Ты здесь работаешь?

– Ага, – Димон кивнул на свою форму. – Дежурный по станции. Третий год уже. А ты чего такой бледный? Плохо?

– Нормально, – соврал Алексей. – Просто устал.

– Слушай, – Димон понизил голос, оглянулся по сторонам, – ты это... если проблемы какие, ты скажи. У меня тут свои люди, помогу чем смогу. А то вид у тебя, извини, как у призрака.

– Спасибо, – Алексей попытался улыбнуться. – Правда, все в порядке.

– Ну смотри, – Димон хлопнул его по плечу. – Ты заходи, если что. Я вон в той будке обычно сижу. – Он махнул рукой в сторону служебного помещения. – Бывай!

И ушел, насвистывая какую-то мелодию.

Алексей проводил его взглядом. Обычный парень, обычная работа, обычная жизнь. Не замер, не превратился в куклу, не смотрел пустыми глазами. Значит, то, что случилось в вагоне, было как-то ограничено пространством. Только тот вагон. Только те люди. И только на те десять секунд.

Он встал, прошелся по платформе. Надо было ехать дальше, на работу. Но он боялся снова заходить в поезд. Боялся, что история повторится. Боялся, что в следующий раз он не просто остановит звук, а сделает что-то непоправимое.

И все-таки он пошел. Подошел к краю платформы, дождался следующего поезда, вошел в вагон. На этот раз сознательно выбрал место у дверей, чтобы видеть всех. Или чтобы все видели его? Он не знал.

Вагон был менее заполнен, чем предыдущий. Алексей встал у двери, прислонился спиной к стеклу и уставился в одну точку на полу. Он старался не думать. Просто смотреть. Просто быть. Просто наблюдать, как мелькают стыки рельсов в щели между полом и стеной.

Поезд шел. Люди разговаривали, кашляли, сморкались. Шум был, но терпимый. Алексей сжимал поручень и повторял про себя, как мантру: «Я не думаю. Я не желаю. Я просто смотрю».

Ничего не случилось. Ни на одной станции. Ни на другой. Он доехал до своей «Площади Восстания» без происшествий. Вышел на платформу, поднялся по эскалатору, вдохнул свежий воздух и почувствовал, как напряжение потихоньку отпускает.

– Сработало, – сказал он вслух. – Надо просто не думать.

Но он знал, что это невозможно. Думать – это его работа. Думать – это его природа. Как архитектор он должен был просчитывать нагрузки, продумывать конструкции, анализировать пространство. Мысль была его инструментом. А теперь этот инструмент стал оружием.

Он шел по улице к офису, смотрел под ноги, на мокрый асфальт, на лужи, в которых отражалось серое небо, на опавшие листья, прилипшие к тротуарной плитке. Люди обходили его, не замечая, или замечая, но не обращая внимания. Обычный прохожий в темных очках, спешащий по делам.

У входа в офис он столкнулся со Светой, секретаршей. Она курила, стоя под козырьком, и увидев Алексея, замахала рукой:

– Леша! Леша, ты слышал? Петрович в реанимации. Но говорят, стабилен. Врачи сказали, повезло – рядом оказались люди, быстро вызвали скорую. Еще бы минута – и всё.

– Я знаю, – сказал Алексей. – Я был там.

– Да, ты же видел, – Света затаилась, выпустила дым. – Страшно-то как. Здоровый мужик, и на тебе. Говорят, стрессы, нервы, работа у нас такая... – Она вздохнула. – Ты сам-то как? Выглядишь неважно.

– Нормально.

– А чего в очках? Солнца же нет.

– Светочувствительность после больницы.

– А, ну да, ну да, – Света затушила сигарету. – Ладно, пойду, работы полно. Ты заходи, если что.

Она ушла, а Алексей остался стоять у входа, глядя на серое небо. Петрович в реанимации. Из-за него. Из-за случайной мысли, вырвавшейся в момент раздражения. Если бы он мог контролировать себя... Если бы он знал, как это работает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.